Диалектика развития искусственного интеллекта в контексте современного правового регулирования

Касторнова Татьяна Александровна,
к.экон.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, kastornova.ta@rea.ru

Щербаков Виктор Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, scherbakov.va@rea.ru

Григорьев Антон Владимирович.
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова, grigorev.av@rea.ru

В статье поднимается проблема чрезмерного использования нейронных сетей и искусственного интеллекта в науке и образовании. Авторы утверждают, что избыточное внедрение этих технологий может ослабить способность людей самостоятельно развивать когнитивные и аналитические навыки. Данная тенденция, по мнению исследователей, может привести к снижению уровня критического мышления и креативности, что негативно скажется на качестве научных исследований и образовательного процесса.
В исследовании также проводится анализ современных моделей правового регулирования, направленных на использование нейронных сетей и искусственного интеллекта, как в Российской Федерации, так и за ее пределами. В частности, внимание уделяется правовым системам Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза и ряда его государств-членов. Целью данного анализа является выявление ключевых тенденций и особенностей нормативного регулирования в этой динамично развивающейся области, а также оценка соответствия существующих правовых механизмов требованиям цифровой трансформации общества. Правовое регулирование призвано не только фиксировать технические стандарты, но и служить гуманитарным целям, предотвращая возможную деградацию когнитивных навыков, путем внедрения стандартов и правил использования в образовательной сфере.
Ключевые слова: цифровое право, искусственный интеллект, нейросети, сеть Интернет, образование.

«Жизнь имитирует искусство…»

Это крылатое выражение апеллирует к антитезе так называемого «Аристотелевского мимесиса», то есть утверждения, о том, что искусство должно быть подобным жизни. Как утверждал Оскар Уайлд «осознанная цель Жизни — найти выражение, а Искусство предлагает ей определенные прекрасные формы, с помощью которых она может реализовать эту энергию» [1]. В текущей ситуации от наук гуманитарного спектра, включая юриспруденцию, очень часто требуют четкого ответа на фактический вопрос «виляет ли хвост собакой, или собака виляет хвостом». Фактический «антимемесис» стал неким знаменем эпохи постмодернизма, когда явление вначале появляется, начинает активно самоумножаться и пролиферировать внутрь ткани общественной реальности, а потом специалистам в области правоведения, социологии, политологии и психологии должны предложить действующую модель регулирования нового общественного явления, ее классификацию и абсолютно определенное социальное место. Но возникает вопрос, возможно ли это?

История показывает, что законодатель всегда догоняет технологию. В советское время любой кандидат наук должен был связать свою работу с теорией марксизма-ленинизма, теперь же нередко наблюдается требование связать исследование с искусственным интеллектом, что в некоторой степени напоминает методологическую обязательность прежней эпохи. В советской науке существовала практика применения абстрактных положений диалектики, включая закон превращения количества в качество или переход энергии, механически переносились для обоснования любых явлений. Идею «диалектики природы» можно назвать универсальным ключом к пониманию в том числе и колхозного права [2], которая была даже не цитатой, а методологическим требованием эпохи.

И тогда, и сейчас жизнь подстраивается под заранее заданную ментальную схему. Только тогда «марксизм-ленинизм», а сегодня «цифровая парадигма» или AI-first. Вставляя в заключение сегодня, «с использованием нейросетей», врач, назначающий «AI-диагноз», учитель проверяющий «AI-детектор плагиата» имитируют нарратив о всемогущем интеллекте научно-фантастических произведений Айзека Азимова, Станислава Лема, Филипа К.Дика. не искусство копирует жизнь, а жизнь подражает тому, что когда-то было создано воображением. При этом необходимо понимать, что далеко не всегда в научно-фантастическом жанре художественной литературы искусственный интеллект был альтруистическим слугой человека. Довольно рано, в 50 и 60 годах, еще до появления основных художественных произведений на эту тему, у некоторых авторов проскакивали нотки скептического отношения к «AI», которому предоставлена ничем не ограниченная свобода. Многие авторы превращали такие идеи в зерна футуристической социальной сатиры, кажущейся тогда безобидной, а сейчас все более и более пугающей. Любой ученый, практически обязан сегодня связать свою работу с ИИ, потому как эпоха диктует свой катехизис.

Однако в отличие от советской обязательности, которая чаще всего тормозила науку и была избыточно идеологизированной, современное обращение к ИИ – дает инструментарий, ускоряющий технологическую гонку, сокращающий не только время и трудоемкость принятия профессиональных решений. Но при этом существует опасность извлечения из этого процесса человеческого

осмысления любой проблематики, требующей интеллектуальных ресурсов человека. Именно здесь правовое регулирование должно сыграть роль сдерживающего фактора.

В июле 2025 года в Госдуме предложили включить ИИ и этику в новый закон о науке, которые должны затронуть принципы научной этики, нормативного определения ИИ в исследованиях и оценку научных результатов с учетом использования цифровых технологий, а также определения прав на открытия и тексты, созданные с участием ИИ.

В отношении зарубежного опыта правового регулирования искусственного интеллекта необходимо отметить, что существующие модели можно разделить на несколько групп. Анализ этих подходов важен для выработки оптимальной стратегии, учитывающей технологические вызовы и гуманитарные риски.

Международные рекомендательные акты (мягкое право). На уровне международных организаций и межгосударственных объединений следует отметить рамочную конвенцию (международный договор) в рамках Совета Европы «Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law» [3]. Эта конвенция открыта для подписания заинтересованными государствами и основана на принципах соответствия механизмов искусственного интеллекта правам человека, ценностям народовластия и правового государства. Она ориентирована на защиту человеческого достоинства, транспарентности процессов использования искусственного интеллекта, уважения человеческого достоинства, отсутствия дискриминации, подотчетности компаний в сфере ИИ публичным органам и надзора за ними.

Другие международные организации также участвуют в создании собственного рамочного регулирования вопросов создания и применения искусственного интеллекта. Организацией экономического сотрудничества и развития был принят еще один международный рекомендательный акт под названием «Recommendation of the Council on Artificial Intelligence, OECD/LEGAL/0449» [4] направленный на создание юридической базы так называемого «надежного искусственного интеллекта», подчиненного ценностям демократического общества, верховенства прав и свобод человека. Сообщается, что некоторые его положения были воспроизведены в национальных нормативных актах. Также к актам подобной природы можно отнести, акт ЮНЕСКО Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, UNESCO, 2021 [5] устанавливающий этические ориентиры для разработчиков и применителей искусственного интеллекта, а также международный кодекс в рамках «Большой семерки» Hiroshima Process International Code of Conduct for Organizations Developing Advanced AI Systems, 2023 [6] устанавливающий требования для разработчиков «продвинутых» ИИ-систем.

Жесткое нормирование (на примере Европейского союза). Европейский Союз выбрал другой способ регулирующего воздействия, перейдя от рекомендательного к строго нормативному подходу. Закон Европейского Союза «Regulation (EU) 2024/1689 laying down harmonised rules on artificial intelligence» [7], в сокращении именуемый в сокращении «EU AI Act» это единственный на сегодняшний день в развитых странах полноценный пример законодательного акта в области искусственного интеллекта. В основе методологии его регулирования лежит риск-ориентированный подход, с выявлением, ограничением и запрещением наиболее рискованных практик применения искусственного интеллекта. К таким практикам относится так называемый цифровой социальный скоринг (в данном случае под этим понимается система оценки человека, основанная на анализе его цифрового следа и социального поведения с использованием ИИ), биометрическая идентификация человека искусственным интеллектом, использование алгоритмов нейросетей для скрытого управления поведением, эмоциями или выбором человека. С этой целью устанавливается перечень отраслей направлений повышенного риска в области ИИ и перечень специальных обязанностей для поставщиков систем на этих направлениях (General-purpose AI). На регулирование онлайн-платформ искусственного интеллекта в ЕС ориентирован еще один Закон ЕС - Regulation (EU) 2022/2065 — Digital Services Act (DSA) [8]. Также на уровне ЕС действует несколько других важных законодательных актов, регулирующих отдельные технические аспекты создания и функционирования ИИ, такие как Закон ЕС Regulation (EU) 2023/1230 on machinery [9], и ряд отдельных директив, таких как Directive (EU) 2024/2853 on liability for defective products [10], Directive (EU) 2022/2555 — NIS2 [11]. Таким образом Европейский Союз по уровню законодательного и подзаконного регулирования вопросов искусственного интеллекта пока является лидером.

Однако в государствах Европейского Союза примеры законодательного регулирования в сфере искусственного интеллекта весьма ограничены и фрагментарны. В Испании Королевским указом 729/2023 (от 22 августа 2023 г.) [12] утвержден Устав Испанского агентства по надзору за искусственным интеллектом (Agencia Española de Supervisión de la Inteligencia Artificial — AESIA). В соответствии с Уставом, Испанское агентство по надзору за искусственным интеллектом основано как обладающее административными полномочиями государственное учреждение с публичной правосубъектностью, собственным имуществом и автономией в управлении. Испанское агентство по надзору за искусственным интеллектом подчинено Министерству экономики и цифровой трансформации и уполномочено осуществлять надзор, инспекционные проверки, консультирование и обучение граждан, а также юридических лиц в отношении систем искусственного интеллекта в Испании.

Во Франции единый законодательный акт в этой области отсутствует, но в соответствии с документом «Code des relations entre le public et l'administration» [13] установлены требования по прозрачности административных алгоритмов в сфере государственного использования искусственного интеллекта. В Федеративной республике Германия также не существует единого законодательного регулирования в области искусственного интеллекта, но эти общественные отношения регулируются нормами различных отраслей права, таких как трудовое и транспортное право (например, в области автономных транспортных средств). В качестве примера можно привести закон «Gesetz zum autonomen Fahren» - Закон об автономном транспорте) [14].

Отраслевое и гибкое регулирование (США и Великобритания). В Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии также пока нет законодательных актов в области регулирования искусственного интеллекта, сущность британского подхода заключается в отраслевом регулировании и стимулировании инноваций. В качестве примеров такого регулирования можно привести UK GDPR [15], Data Protection Act 2018] [16], Online Safety Act 2023] [17]. Соединенные штаты Америки также пока не закрепили отношения в области ИИ на высшем государственном уровне. Основу нормативного регулирования в указанной области на федеральном уровне составляют различные нормы антидискриминационного, потребительского, трудового, медицинского, финансового законодательства, законов о конфиденциальности и качестве

выпускаемой продукции, а также федеральных актов органов исполнительной власти. В качестве примера можно привести § 5 Federal Trade Commission Act [18], основная задача которого заключается в запрете и ограничении на применение недобросовестных методов конкуренции, то есть действий, нарушающих ключевые федеральные антимонопольные законы (такие как Закон Шермана), который косвенно запрещает в том числе рекламу ложных или преувеличенных возможностях искусственного интеллекта.

На уровне штатов существуют примеры законодательного регулирования вопросов искусственного интеллекта. В штате Колорадо существует один из первых комплексных законов о ИИ в США Colorado Senate Bill 24-205, также именуемый Colorado AI Act [19], регулирующий высоко рисковые ИИ-системы, устанавливающий ответственность разработчиков и применителей таких систем. Примечателен отдельный городской закон Нью Йорка «New York City Local Law 144» [20], регулирующий вопросы об автоматизированных инструментах принятия решений о приеме на работу. Также отдельные законодательные акты по вопросу регулирования ИИ существуют в штатах Иллинойс и Калифорния.

Российский подход: от стратегии к законопроекту. Магистральное направление развития нормативного регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации было очерчено актом стратегического планирования – Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия развития искусственного интеллекта) [21]. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта стала одним из первых этапов правового осмысления искусственного интеллекта как такового и задала ориентиры для дальнейшего фундаментального урегулирования искусственного интеллекта. Весь широкий спектр затронутых Национальной стратегией развития искусственного интеллекта вопросов еще предстоит детально изучить в соответствующих научных исследованиях, кратко отметим что в ней затрагивались такие фундаментальные вопросы как необходимость формирования нормативного регулирования искусственного интеллекта, разработку его стратегии внедрения в народное хозяйство с учетом необходимости локализации аппаратной инфраструктуры программного обеспечения искусственного интеллекта, подготовки научно-практических кадров и что очень важно – создания четких этических принципов использования искусственного интеллекта. Одно из главных достоинств Национальной стратегии развития искусственного интеллекта является наличие дефиниции искусственного интеллекта, который понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Одним из очень интересных и важных моментов является разграничение в документе понятий «слабого», то есть узкоспециализированного искусственного интеллекта и универсального, то есть сильного искусственного интеллекта, то есть «способного подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой, решение которой находится на пересечении различных сфер научного знания - естественно-научной, технической и социально-гуманитарной». Перспектива создания именного такого, сильного универсального искусственного интеллекта представляет собой не только новые перспективы в решении важнейших задач человечества, но и огромные риски для человеческого социума, к которым надо готовится сейчас.

В 2024 году под влиянием актуальных тенденций развития технологий Национальная стратегия развития искусственного интеллекта была дополнена такими важными темами, как инструменты генеративного ИИ, суверенизация технологической базы, внедрение инструментов искусственного интеллекта в государственную управленческую цифровую среду, а также создание эффективных отечественных языковых моделей. Однако необходимо понимать, что данные стратегические документы подвержены и всем традиционным недостаткам, связанным с излишней абстрактностью целей и задач, отсутствия конкретных ответственных и этапных сроков исполнения.

Другим важным документом подзаконного регулирования является правительственная «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [22] (далее – «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»). В её преамбуле напрямую указывается, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальное законодательное регулирование, учитывающее специфику применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, и в этом мы отстаем от мировых технологических лидеров, которыми уже предприняты попытки нормативного регулирования искусственного интеллекта и робототехники.

Одним из главных задач Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года явилась аналитика текущего правового регулирования с целью выявления действующих пробелов и выработки подходов к их преодолению. В частности, было отмечено, что перспективное регуляторное воздействие должно быть основано на риск-ориентированном, междисциплинарном подходе и предусматривать принятие ограничительных норм в случае, если применение технологий искусственного интеллекта и робототехники несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений, правам человека и интересам общества и государства. Концепция также предполагает антропоцентрический «человекоориентированный» подход, который предполагает широкое применение инструментов саморегуляции и сорегуляции через кодексы (своды), направленных на подчинение разработки, внедрении и применении технологий искусственного интеллекта и робототехники прежде всего этическим правилам. Также одной из тем, впервые поднятых Концепцией была необходимость создания механизма юридической ответственности за вред, причинный искусственным интеллектом и роботами.

Одним из законодательных актов федерального уровня, который открыл дорогу для создания особого правового режима для Москвы как площадки апробации технологий искусственного ИИ, стал Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [23] (далее – Федеральный закон № 123-ФЗ). В соответствии с этим законом Москва стала уникальным местом внедрения ИИ в экономику, социальную сферу, медицину, безопасность, управление мегаполисом. Этот эксперимент ввел специальные

условия в области законодательства о персональных данных, защиты государственной тайны, врачебной и коммерческой тайне для разработчиков и применителей искусственного интеллекта в городе федерального значения Москве. Схож с ним, но не привязан к определённому субъекту федерации Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [24], в соответствии с которым в области разработки высоких технологий, включая искусственный интеллект, в определённых местностях территории Российской Федерации может быть введен экспериментальный правовой режим, то есть временное специальное регулирование, вводящее особые правила, создающие условия для надлежащей реализации задуманного эксперимента. Сфера эксперимента довольно широка и может касаться различных сфер экономики и социальной жизни, таких, например, как разработка беспилотных транспортных систем, создания промышленных роботов и диагностики заболеваний.

Логика развития подзаконного нормативного регулирования вопросов искусственного интеллекта со всей очевидностью свидетельствует, что следующим этапом правового развития этой темы должен стать комплексный законопроект, который после своей апробации в среде профессионального сообщества и специалистов других заинтересованных компетенций должен стать первым отечественным полноценным федеральным законом о регулировании искусственного интеллекта. Вопрос заключается в том, какую модель правового регулирования этой инновационной темы выберет российский законодатель – адаптированную модель с учетом зарубежного опыта (в том числе с учетом Закона ЕС о ИИ) или полностью суверенную?

В апреле 2026 Совет при Президенте России по кодификации и совершенствованию законодательства на заседании рассмотрел проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в России». Всего за месяц от публикации 17.03.2026 г.-23.04.2026 прошел путь от рамочного законопроекта, до проекта у которого нет будущего. Законопроект предлагал несколько ключевых новелл: запрет иностранного ИИ; в госсекторе- цифровой суверенитет; права на используемый софт должны принадлежать российской компании, а сервера стоять в России; введение и ведение реестров «доверенных моделей ИИ»; маркировку синтезированного ИИ-контента и обязанность платформ обеспечить видимую или скрытую; возможность компенсации вреда, причиненного неправомерным использованием ИИ, а также досудебное обжалование решений (действия, бездействия) органов государственной власти и организаций с государственным участием, принятых или совершенных с использованием ИИ, уголовную ответственность за дипфейки, экспериментальные правовые режимы. Законом предлагалось установить правовые основы для внедрения ИИ, обеспечения безопасности личности, общества и государства при использовании ИИ. Общая структура законопроекта и логика законопроекта должны были дать легальные определения ключевым понятиям: искусственный интеллект, модель, сервис, система. Ввести категории ИИ-моделей и установить требования к разработке и их использованию, а также маркировку контента, созданного с помощью ИИ. Законопроект предлагал переходный период продолжительностью более года. В этот срок государственные органы должны были провести ресертификацию, аудит и возможную замену софта.

Однако Совет по кодификации указал на комплекс недостатков. Среди них:

- отсутствует самостоятельный предмет регулирования: предложенные легальные определения («ИИ», «система ИИ», «сервис ИИ», «модель ИИ») могли охватывать любые алгоритмы – от автокоррекции текста до голосового помощника, что создает риски неоднозначного правоприменения;

- положение о запрете использования иностранного ИИ в государственном секторе, в государственных информационных системах и на объектах критической информационной инфраструктуры (КИИ) требует разработки, обучения и эксплуатации таких моделей исключительно гражданами России и на российских данных, что в настоящее время не выполнимо в полной мере;

- внедрение двух типов реестров доверенных моделей требует дополнительных подзаконных актов ФСТЭК и ФСБ, определяющих технические критерии сертификации, попадание во второй реестр влечет режим усиленного надзора;

- маркировка контента (видимой плашкой или машиночитаемой меткой) потребовала бы колоссальных усилий и привело к разработке двух подходов: жёсткого (весь ИИ-контент) и гибкого (самостоятельная маркировка пользователем), что создает правовую неопределенность.

- положения законопроекта вступают в противоречие со ст. 1228 и 1257 ГК РФ, согласно которым автором может быть признан только гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат, что делает невозможным признание ИИ автором;

- профессиональное сообщество высказало почти 430 замечаний, указав на отсутствие четких критериев применения и техническую невыполнимость ряда требований, что создает риски правовой неопределенности и потенциальных злоупотреблений.

Заключение Совета по кодификации при Президенте России направленное в высшие органы государственной власти, делает маловероятным принятие законопроекта в текущей редакции. Исследователей практики использования программных продуктов, связанных с искусственным интеллектом (ИИ), беспокоят вопросы результатов такого использования, в том числе, сфере образования. В сфере, которая формирует специалистов, носителей специальных знаний и навыков. Чрезмерная свобода в использовании ИИ может, по мнению аналитиков, создать ощутимые «препятствия для формирования самостоятельного мышления», ведет к утере критического мышления обучающихся в высших учебных заведениях. [25]

Таким образом, можно сделать вывод, что пока отечественный законопроект по вопросу регулирования искусственного интеллекта находится в первичной стадии концептуальной разработки и объективно нуждается в серьезной доработке. Вызывают вопросы о целесообразности запретительной объективации законопроекта, а также его общего согласования с принципами фундаментальных отраслей российского законодательства. Вполне реальным является альтернативная модель развития законодательного регулирования искусственного интеллекта, когда вместо одного «мега-закона» принимается несколько меньших законодательных актов, регулирующих более узкий спектр общественных отношений в области разработки и применения искусственного интеллекта. В любом случае, и перед одним, и перед несколькими законодательными актами будет стоять одни и те же цели и задачи, которые в последнее время активно обсуждаются в научной юридической прессе. Как отмечает В.Д. Багинский к наиболее актуальным задачам ближайшего будущего следует отнести не только собственно законодательного регулирования искусственного интеллекта, но и «создание системы страхования рисков и компенсации ущерба, связанных с применением автономных систем ИИ повышенной важности, а также установления особых правовых

режимов для систем искусственного интеллекта в высокорискованных отраслях» [26]. С другой стороны, необходимо разработать и внести в действующее законодательство консолидированные изменения, направленные на решения менее масштабных задач, например связанных с воздействием инструментов искусственного интеллекта на авторское и смежное право. Данные изменения уже активно обсуждаются как в научной литературе, так и в открытых дискуссиях в рамках круглых столов и конференций с участием как юристов цивилистического направления, так и правоведов в области публичного права.

Полагаем, что оптимальным для России представляется **смешанный подход:** заимствование риск-ориентированной методологии ЕС (с классификацией ИИ-систем по уровню опасности) в сочетании с гибкостью отраслевого регулирования, с обязательным сохранением «человекоориентированности» и защитой когнитивных навыков в образовании. Сохранение баланса позволит не допустить торможение технологического прогресса и человеческого потенциала.

Литература

1. Фрэнсис Чарльз МакГрат (1999). (Пост)колониальная драматургия Брайана Фрила: язык, иллюзия и политика. University Press. С. 19–21. ISBN 978-0-8156-2813-2.

2. Отрасль советского социалистического права, которая регулировала организацию колхозов и их деятельность, а также отношения с членами, семьями колхозников и колхозными дворами и т.д. Можно предположить логику того времени: «как в природе переход энергии из одной формы в другую совершается без её уничтожения, так и в колхозном праве труд колхозников, переходя из индивидуальной формы в форму общественно-кооперативного труда, не утрачивает своей сущности, а лишь изменяет способ присвоения…» это конечно не прямая цитата, а распространённая риторическая конструкция для привязки любой темы к марксизму.

3. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // интернет-ресурс https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence

4. OECD Legal Instruments — AI Recommendation // интернет-ресурс https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449

5. UNESCO Recommendation on the Ethics of AI // интернет-ресурс https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137

6. G7 Hiroshima AI Process — Code of Conduct // интернет-ресурс https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/hiroshima-process-international-code-conduct-advanced-ai-systems

7. Regulation (EU) 2024/1689 — EU AI Act // интернет-ресурс https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj

8. Digital Services Act // интернет-ресурс https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj

9. Machinery Regulation // интернет-ресурс https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1230/oj

10. Product Liability Directive 2024/2853 // интернет-ресурс https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj

11. NIS2 Directive // интернет-ресурс https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj

12. Real Decreto 729/2023 // интернет-ресурс https://regulations.ai/regulations/RAI-ES-NA-RD7ASXX-2023, // интернет-ресурс https://www.boe.es/eli/es/rd/2023/08/22/729, // интернет-ресурс https://www.boe.es/boe/dias/2023/09/02/pdfs/BOE-A-2023-18911.pdf

13. Code des relations entre le public et l'administration // интернет-ресурс https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000031366350/

14. German Road Traffic Act — StVG // интернет-ресурс https://www.gesetze-im-internet.de/stvg/

15. UK GDPR // интернет-ресурс https://www.legislation.gov.uk/eur/2016/679/contents

16. Data Protection Act 2018 // интернет-ресурс https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents

17 Online Safety Act 2023 // интернет-ресурс https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents

18. Federal Trade Commission Act // интернет-ресурс https://www.ftc.gov/section-5

19. Colorado SB24-205 // интернет-ресурс https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205

20. NYC Automated Employment Decision Tools // интернет-ресурс https://www.nyc.gov/site/dca/about/automated-employment-decision-tools.page

21. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

22. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

23. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

24. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

25. Фатьянов А.А., Антопольский А.А., Азаров М.С. Некоторые проблемные вопросы использования информационной технологии искусственного интеллекта в образовательной деятельности // Закон и Власть, № 5, 2026.

26. Багинский В.Д. Эволюция искусственного интеллекта: правовые горизонты и будущее в российской правовой системе // Современное право. 2026. N 2. С. 48 - 51.

The Dialectics of Artificial Intelligence Development in the Context of Modern Legal Regulation

Kastornova T.A., Shcherbakov V.A., Grigoriev A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The article addresses the issue of the overuse of neural networks and artificial intelligence in science and education. The authors argue that the excessive adoption of these technologies may weaken people's ability to independently develop cognitive and analytical skills. This trend, according to the researchers, could lead to a decline in critical thinking and creativity, which will negatively impact the quality of scientific research and the educational process.

The study also analyzes modern legal regulation models aimed at the use of neural networks and artificial intelligence, both in the Russian Federation and abroad. Specifically, it focuses on the legal systems of the United States, the European Union, and several of its member states. The purpose of this analysis is to identify key trends and regulatory features in this dynamically developing area, as well as to assess the compliance of existing legal mechanisms with the requirements of the digital transformation of society.

Keywords: Digital law, artificial intelligence, neural networks, Internet, education.

References

1. Francis Charles McGrath (1999). The (Post)Colonial Drama of Brian Friel: Language, Illusion, and Politics. University Press. pp. 19–21. ISBN 978-0-8156-2813-2.
2. The branch of Soviet socialist law that regulated the organization of collective farms and their activities, as well as relations with members, families of collective farmers, and collective farm households, etc. One can assume the logic of that time: “just as in nature the transition of energy from one form to another occurs without its destruction, so in collective farm law the labor of collective farmers, passing from an individual form to the form of social-cooperative labor, does not lose its essence, but only changes the method of appropriation…” This, of course, is not a direct quote, but a common rhetorical construction for linking any topic to Marxism.
3. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Internet resource https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence
4. OECD Legal Instruments - AI Recommendation // Internet resource https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449
5. UNESCO Recommendation on the Ethics of AI // online resource https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137
6. G7 Hiroshima AI Process - Code of Conduct // internet resource https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/hiroshima-process-international-code-conduct-advanced-ai-systems
7.Regulation (EU) 2024/1689 — EU AI Act // online resource https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj
8. Digital Services Act // online resource https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj
9. Machinery Regulation // online resource https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1230/oj
10. Product Liability Directive 2024/2853 // online resource https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2853/oj
11. NIS2 Directive // online resource https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj
12. Real Decreto 729/2023 // online resource https://regulations.ai/regulations/RAI-ES-NA-RD7ASXX-2023, // Online resource https://www.boe.es/eli/es/rd/2023/08/22/729, // Online resource https://www.boe.es/boe/dias/2023/09/02/pdfs/BOE-A-2023-18911.pdf
13. Code of Public Relations and Administration // Online resource https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000031366350/
14. German Road Traffic Act — StVG // Online resource https://www.gesetze-im-internet.de/stvg/
15. UK GDPR // Online resource https://www.legislation.gov.uk/eur/2016/679/contents
16. Data Protection Act 2018 // online resource https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/contents
17. Online Safety Act 2023 // online resource https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents
18. Federal Trade Commission Act // online resource https://www.ftc.gov/section-5
19. Colorado SB24-205 // online resource https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205
20. NYC Automated Employment Decision Tools // online resource https://www.nyc.gov/site/dca/about/automated-employment-decision-tools.page
21. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended on February 15, 2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030") // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.
22. Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 No. 2129-r "On Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Sphere of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Art. 5593.
23. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation - the Federal City of Moscow, on the Specifics of Processing Personal Data When Forming Regional Data Sets and Providing Access to Regional Data Sets and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Art. 2701.
24. Federal Law of 31.07.2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.
25. Fatyanov A.A., Antopolsky A.A., Azarov M.S. Some problematic issues of using artificial intelligence information technology in educational activities // Law and Power, No. 5, 2026.
26. Baginsky V.D. Evolution of artificial intelligence: legal horizons and the future in the Russian legal system // Modern law. 2026. N 2. pp. 48-51.